

Оперативник Жарков всегда торопился, но дежурный сказал, что труп без криминала – можно собираться потихоньку. Время полтретьего ночи. Ни туда, ни сюда. В кабинете холодно, батареи в спячке. Покурил в форточку, распечатал протоколы, проверил кобуру. Служебный ПМ глубоко дремал. Тихо, мирно, спокойно. В последнее время оружие применяли только на учебных стрельбах.

«У меня выезд, – написал в ватсапе, – люблю целую». Без запятой.

Тыкнул на стрелку, сообщение улетело. Стрельнуло, будто нажал на спусковой крючок без реальной угрозы. «Ептьв...» – зарядил Гоша. Он перепутал чаты и, должно быть, разбудил жену. А нежность была адресована вечно не спящей Аллочке – неродной, но любимой женщине.

– Ну все, теперь точно кранты, – сказал вслух, и дежурный ответил:

– Не каркай. Все под контролем. До утра продержимся, а там новая смена заступит.

Пиликнул телефон.

– Вот, чтд, что и требовалось доказать, – вскипел уставший майор, – вызов прилетел.

Залепетал приветственной речью, открыл журнал учета. Гоша вслушался. Ничего серьезного, какая-то бдительная гражданка сообщила о подозрительных лицах на лестничной площадке. Решили отправить наряд ППС. Разберутся.

– А мне что? – спросил Гоша, не сводя глаз с яркого экрана смартфона.

– Карета подана вообще-то. Поезжайте, я пока тут...

Прыгнул в «газель» и зарядил коронное «трогай». Ехали на Батайскую. Известная окраина, раздолье беспредела. Водила рассказывал, что в соседний отдел пронесли взрывчатку, а «нарядный» сержантик просмотрел. Якобы учебные мероприятия, но все равно теперь накажут. Еще говорил, что скоро сдавать нормативы по физкультуре и огневой подготовке – никто не справится, и всех лишат ежемесячной надбавки за напряженность.

– Как обычно, – поддакивал Гоша и не расставался с телефоном.

Жена молчала: либо спала, либо строила цепочку размышлений. Он сам переживал. Никогда ведь не отчитывался, куда поехал и поехал ли. А здесь и «люблю», и «целую», ну разве мог такое сказать – жене.

– Кулак, ты женатый? – спросил водителя.

– А то ж, – усмехнулся Кулаков, – уж второй раз, детей – три штуки.

– Вот и мне, по ходу, придется... – не договорил оперативник.

– Детей-то? Дети – хорошо, нормально, – залепетал тот и плавно отошел от темы разговора на встречу очередным служебным проблемам.

Гоша кивнул, хотя говорил не про детей, а про второй раз. Наступит утро, вернется домой и, конечно, супруга скажет – развод, не обсуждается. Жить в одиночку не сможет, пробовал – не получилось. Придется Аллочке делать предложение. Аллочка, может, и красивая, и вся такая невозможная, но жениться... это значит видеться каждый день, объясняться, чувствовать, терпеть.

Он понял, что несправедливо попал в известную западню. Рано или поздно любая ложь становится самой обычной правдой, синонимом жизни.

– Какой номер? – спросил водитель, двигаясь по ошибочным указателям навигатора.

Нашли быстро. Самый невзрачный одноэтажный шведский домик. Их уже встречала маленькая женщина в большом шалевом платке. Она приветственно махала рукой и будто бы специально горбилась, прикладывая к пояснице старую морщинистую ладонь. Легче передвигаться. Гоша тоже, спрыгнув, хватился за спину. Так ныла в последнее время поясница, хоть вешайся. В ведомственной поликлинике сказали, можно взять больничный, со спиной лучше не шутить, но Гоша постоянно временил, завтра-послезавтра, на следующей неделе, после Нового года... теперь вот, наверное, самое время, потому что жена обязательно выгонит. К Аллочке нельзя – она с подругой снимает комнату, и вообще...

– Проходите-проходите, – лепетала женщина. – Там он, в комнате. Я, как вернулась с рынка, так и осталась. Умер мой Ванечка, столько лет мы с ним... Я сразу вам позвонила. А скорая приедет? Хотя зачем теперь скорая, куда его сейчас, дальше-то что?

Гоша вспомнил эту семью: старый алкаш одно время дебоширил на всю улицу, бил жену, гнобил соседей. Потом вроде успокоился – заболел.

Прошел в спальню, задел ткань паутины, разжевал и проглотил. Пахло сырой кислотой, горькой старостью. Ветер уютно купался в пустоте. Голый пол, на стене календарь с обезьяной, дрожащая стрелка часов, уверенное безвременье.

Мужик лежал, отвернувшись, и темнота скрывала его острый нос и подбородок, впалые глаза, еще наполненные прежним. Он попросил хозяйку покинуть комнату, потому как проводится следственное действие и все такое. Женщина виновато подняла руки – сдаюсь, дорогой мой, – и убежала в кухню. Хотела вскипятить чайник, но поняла, что сейчас не время для гостеприимства, лучше действительно поскорее, сделать вид хотя бы. Она мужа любила только первые два года после свадьбы, потом привыкала к нелюбви, притворялась, что любит, дальше проси-

ла уйти, а потом смирилась и просто жила, будто нет ни его, ни ее, и ничего вообще не существует.

– Вот так, – сказал Гоша, – живешь себе, живешь, а потом – бац, и все.

Он описывал в протоколе комнату, расположение предметов, указывал, что на теле умершего отсутствуют какие-либо следы насильственного воздействия. Так-то можно пригласить судебного эксперта, но ведь ничего серьезного. Обычная смерть, все там будем.

На всякий случай тронул тело – холодная каменная глина, огромный бесформенный кусок.

Гоша сделал несколько фотографий, общий вид и кое-какие детали: наклон головы, направление рук и ног. Камера смартфона неохотно искала фокус, слабый свет заставил включить вспышку. Ослепило, шелкнуло, застыла ретушь картинки.

– Сойдет, – сказал оперативник.

Труп согласился, промолчал.

Прохрустело в люстре, вдохнула напоследок лампочка, и стало совсем темно. Гоша в принципе закончил, тронул дверь, толкнул, навалился, но выйти из комнаты не получилось. Он задергал ручкой – хоть бы хны, постучал, пнул ногой.

– Эй, женщина. Я тут... дверь закрылась. Але!

Простоял без движения минуту или две, прежде чем хозяйка отозвалась.

– А, да? Что-что? – проскрипела противно и высоко.

– Я говорю, дверь. Кажется, замок пошел. Вы посмотрите там, попробуйте.

– Да, сыночек, сейчас, подожди.

Связь отрубил, дышала одна палочка, интернет показывал букву «Е».

«Епрст», не иначе.

Он сел на край дивана, подложив рабочую папку, и зачем-то поправил одеяло, укрыв голые ступни умершего мужика.

– Такие дела, – говорил вслух Гоша.

Он крикнул, долго ли, что там и как движется, и женщина повторила вновь:

– Обожди, сыночек.

Кажется, стояла она прямо за дверью и не собиралась ничего делать, искать ключ или какую-нибудь проволоку – что угодно, просунь в щель, а дальше-то сам. В какой-то момент расслышал – дышит, стоит и ждет чего-то. Приблизился, дыхание застыло.

– Гражданочка, вы долго тут будете?

Стоило отойти, и вновь пробуждался живой скрежет, ощущение присутствия. Чего там делает. Ждет, ждет, не дождетя.

Попробовал окно. Уже подготовились к холодам, прошлись ватой, заклеили бумагой. Дернуть бы – и на улицу, да жалко. Труд какой-никакой.

Тогда все-таки зацепил колышки связи и набрал водителю.

«Дребедень какая-то. Зайди-ка, меня, кажись, замуровали».

Кулаков неразборчиво прохрипел сквозь слабый сигнал. Вот уже постучался, гроыхнул металл забора. Не захочешь – услышишь.

Гоша оценил прочность двери. Дощатая ставенка на двух петлях. Была не была. Разбежался, насколько позволяло пространство, выставил плечо, направил ногу. Боль ударила в спину, застонала коленка.

– Ах, дорогой мой, милый, – залепетала старуха, – да ты зачем? Да я же сейчас.

Она смотрела сверху. Платок слетел, глаза перевернуты, руки потянулись к его лицу, и, когда приблизились максимально, женщина сжала кулаки и опять затряслась в истерике.

– Вы меня простите, вы только не осуждайте.

Завыла, застонала. Гоша поднялся, весь в пылевой стружке, с прозревшей дыркой на рукаве бушлата. Хозяйка отошла, измерила безопасную дистанцию.

– Я вас прошу, товарищ полицейский, не наказывайте. Я не смогу молчать, тяжело. Он сам виноват. Житья с ним никакого. Вот, что теперь делать, – махнула и разрыдалась. На этот раз плакала глухо, старчески тяжело. – Ненавижу, – булькнула сопливо и слезливо.

Нет сомнений. Гоша спросил, каким именно образом.

– Таблетки размешала и водкой разбавила. А ему нельзя вообще. Вот и улетел. Да и пусть летит. Что мне теперь будет? – спросила.

Оперативник замолчал и отвернулся. Он слышал, как настойчиво стучит в забор водитель. Упрямый до тупости. В прихожей стойко держалась связь, да говорить не о чем.

– Мы ведь раньше хорошо жили... тогда еще, давно. Я не помню, когда. И дети у нас, и внуки. Ой, Божечки. А дети узнают? Вы им расскажете? Меня же посадят, да? Узнают, конечно. Позор-то какой, Господи, прости. Да зачем я – ну, нашло. Я же не хотела, да ладно... хотела, конечно. А уж он, как выпил, я поняла – зря. И так бы скоро умер – больной же, осталось-то два понедельника. А мне что, ну не могу, не могла больше. Ну, честное слово.

Гоша неуверенно держал меж пальцев шариковую ручку. Он сходил за папкой в комнату, где лежал

несвоевременно ушедший, достал бланки и вроде бы принял за что-то протоколировать – то, после чего обязательно необходимо указать «с моих слов записано верно и мною прочитано», но так настойчиво бился в дом Кулак, что хозяйка не выдержала и открыла.

– Поехали давай, – раскричался полицейский, влетев без спроса и приглашения, – у нас там бытовуха, тяжкие телесные. Дежурка до тебя дозвониться не может. По громкой передали, опоздаем – нам хана, в любом случае – хана. Поехали, поехали.

Сказал, что вернется позже, а пока... сидите и ничего не трогайте. Женщина кивнула и вновь укуталась в свою тяжелую кольчужную шаль.

Гоша почти не слушал напарника и только следил, как убегает из-под колес «газели» худая осенняя дорога. Брызгами кидалась щебенка, ветки старых деревьев неприятно царапали по крыше, и так же заметно скрипело где-то внутри, под форменной курткой и свитером с вышитым двуглавым орлом.

Пролистал список пропущенных: «дежурка», «дежурка-2», «дежурная часть», «работа». Жена молчала. Гоша не любил молчание. Он был готов слушать крик и ругань, череду претензий и, может быть, не очень обидных оскорблений. Если же молчит, значит, все по-настоящему плохо. Нет никаких причин выяснять отношения, все умерло, родилась невозможно долгая, издевательская тишина.

– Ну и что? Вон – дом, иди. Мне машину покидать нельзя, я уже нарушил инструкцию.

Оперативник хотел срифмовать, но, вздохнув только, направился на очередное место происшествия.

Во дворе толпились постовые сержанты. Гоша терпеливо поздоровался, протянув каждому руку. Прежде чем узнал детали произошедшего, разглядел у порога нож, мирно лежащий в свежей луже красно-бурого цвета, и многозначительно произнес: «Дела, дела...»

Дверь была открыта, первый этаж сегодня не спал.

– А мы завтра пойдем в школу? – спросил мальчик, когда Гоша прошел в квартиру.

Молодая совсем девушка ответила, что уроки никто не отменял, и едва кивнула, так она обозначила приветствие. Видимо, столько сотрудников приходило за последний час, что он – руководитель оперативной группы – не вызвал никакого особого интереса. Только мальчик восторженно пристроился рядом и поинтересовался, настоящий ли пистолет.

- Мама, мама, у дяди настоящий пистолет.
- Хорошо, – согласилась девушка, – не мешай. Иди умывайся, спать пора.

Мальчик протянул «ну-у-у». Гоша в принципе не возражал против присутствия ребенка, разве что стоило оградить того от участия в следственных действиях.

- Вы только мамку мою не забирайте, – попросил мальчик и, схватив зубную щетку, выбежал в пространство коридорного холода.

Вся общага шепталась. Пока оперативник осматривал кухню и санузел в поисках возможных предметов, которые имели бы процессуальное значение, получил целый перечень версий: от покушения на убийство до причинения телесных повреждений по неосторожности.

- Это пусть следователь разбирается, – улыбнулся Гоша.
- Она сама его, сама. Та еще девчуля, – шептала толстая неприятная женщина с явными признаками затянувшегося перегара.
- Не парься, командир, – твердо настаивал пьянущий сосед, – баба хорошая, так уж получилось.

Гоша внимательно слушал. По крайней мере, делал вид. Повторял за собеседником, задавал невнятные вопросы на уровне «да ладно», «не может быть» и «как же так». Тошие перекрытия, прогнивший пол, сколько раз за годы службы он видел подобные коммуналки, сколько здесь крови разливалось.

- Начальник, – раскинул руки известный бедолага по кличке Жук, – здоров, ты как вообще? Ты к Людке, что ли? А-а-а, – понимающе кивнул тот, – ну, занимайся, я тут ни при чем.

Людка невольно слышала каждую реплику. Комнаты на общей кухне располагались так тесно, что захочешь поймать тишину – не получится. Он вернулся на протокольный разговор, отказавшись от чая и кофе.

- Брезгуете, наверное, – догадалась Людя.
- Да, – растерялся оперативник, – нет, конечно, о чем вы говорите.
- Ладно уж, я все понимаю.

Людя и впрямь понимала чуть больше, чем требовалось. Не стоило объяснять, что все равно придется нести ответственность, преступление – тяжкое, не выкрутишься. Она только сказала:

- Довел, понимаете. Не могу больше. Ребенка жалко, а его – нет.
- Ребенок – смягчающее обстоятельство, – произнес Гоша, не выдав сочувствия.

Мальчик прервал разговор. Вбежав на радостях в комнату, он прыгнул в кровать и укрылся одеялом.

- Спать так спать, – игриво пропищал, – спокойной ночи.

Людя выключила свет, они переместились в кухню, где еще доживали прежний день соседи – курили, пили, говорили о чем-то непременно важном.

- Освободите, – строго сказал Гоша.

И мужики без разговоров покинули помещение.

Говорила свободно, без оправданий. Руки распускал, пил, сыном не занимался. Сегодня вернулся готовый, назвал как-то. Надо было терпеть, столько лет терпела. Психанула, нож взяла, и все тут.

- Есть у вас сигарета? – спросила Людя, и Гоша незамедлительно достал пачку.

Замолчали. Оперативник заметил, что иногда тишина вполне уместна. Выкурил две, прежде чем достал бумагу и попросил изложить обстоятельства произошедшего. Девушка аккуратно исписала целый лист. По совету полицейского добавила, что признается «чистосердечно, в целях оказания содействия следствию».

- Понимаете, – оправдывался за чем-то Гоша, – дело все равно возбудят. Закон такой.

- Я понимаю, понимаю. Много дадут?

- Главное, чтобы выжил.

- Он-то? Выживет. Такие не дохнут, – сказала Людя и вновь посмотрела на пачку.

Гоша кивнул, подышал недолго табачным дымом и попрощался.

По дороге в больницу даже не заглянул в телефон, даже не включил экран, даже не подумал ни о чем личном.

Жизнь действительно любила потерпевшего. Врачи сказали на своем волшебном языке: «Пневмоторакс, гематомы, как обычно».

- Как обычно, – согласился Гоша, – тяжкий вред. Ничего серьезного.

Пустили на десять минут под единственным предлогом, что расследование требует незамедлительных мероприятий. Медсестра не понимала, о чем таком важном говорит оперативник. Просто он вызывал интерес у женщин любого возраста и мог, наверное, вообще ничего не объяснять.

Долго всматривался в лицо пострадавшего. Обычный пьющий мужик, работага с босицкой щетиной. Спросил, как случилось. Подтвердил показания супруги. Говорил с трудом, каждое слово эхом прозвало грудь.

- Может, сам напоролся на острие? Случайно. Бывает же всякое.

- Случайно? Сам? – Мужчина попытался выдать смешок и хватился за бок.

– Да, – повторил оперативник, – не заметил и наткнулся.

– Ты что тут гонишь?

Гоша нагнулся, чтобы терпила расслышал и запомнил наверняка.

– Бухать заканчивай, вот что. Налакаешься, потом виноватых ищешь.

– Я понял, – прохрипел мужик, – она и тебя охмурила. Шлюха! Много взяла? Или ментам бесплатно?

Ничего живого не осталось в живом теле. Затянется порез, только и всего.

– Я эту мразь, шалаву эту, засажу. И тебе хана, мусор. Напишу куда надо. У меня знакомые везде! – кричал на всю палату.

Духота разливалась бездушием.

– А ребенок? – спросил Гоша, но мужик не ответил. Может, и не спросил на самом деле: ответа испугался.

Дежурная «газель» медленно плыла по пустым дорогам. Ночь сдавалась, утро не хотело просыпаться. Горело небо бессмертным солнцем, сквозь тяжелую смоляную гуашь проступало красным и золотым.

– Теперь куда? Все? На базу?

Проезжали по Батайской, мимо дома с ночным трупом. Волнительно горел свет сразу во всех окнах. Гоша думал остановиться, зайти и доработать материал, доложить, по крайней мере, в управление о совершенном убийстве. Так ведь это называется? Убийство же? Или что?

Водитель без подозрений свернул, умчал по прямой.

– Вон там, в посадках останови, – попросил оперативник.

– Невтерпеж? В отделе, может, сходишь? – предложил Кулаков.

– Останови.

Машина заняла обочину, заморгала нервно аваришкой. Гоша неторопливо скрылся в голых тупиковых кустах.

«Приспичило ему», – думал.

Кулак в принципе умел ждать, пока следственная группа часами работает на месте преступления. Он обычно залипал в киношку на планшете или играл в телефон, чтобы ускорить время. Но сегодня получилась слишком длинная ночь с просмотренным до титров сериалом и попытками выйти на следующий уровень в битве с виртуальными монстрами. Опять застрекотали дурные мысли. Завтра же, то есть сегодня, надо тренироваться. Турник, пробежка. Если не даст итоговую аттестацию по физподготовке,

лишат на полгода процентной надбавки, а семь тысяч на дороге не валяются. Тогда опять придется таксовать по ночам, и не приведи бог, если вызов поступит от начальника или штабного управленца – донесут, заложат, уволят на хрен. А ведь еще огневая. На стрельбах Кулаков почти всегда выбивал три из четырех, но не укладывался в норматив по сборке-разборке автомата. Советовали развивать мелкую моторику и не особо нервничать.

Конечно, вам-то легко говорить, а у меня – смять.

Он представил, как выйдет на огневой рубеж и по команде достанет оружие. Все легко и просто, главное, не торопиться. Раз-два-три, и...

Подорвались невидимые птицы, словно извергла их старая земля. В тревожном карканье, гуле, свистении Куликов распознал звук выстрела. Один понятный и объяснимый звук.

– Гошан! Ты чего?! – Он рванул с единственной мыслью: не может быть, не бывает, не должно.

Оперативник лежал на земле, вывернув неприятно голову. Пистолет еще крепко сжимала рука. Опять стояла тишина, и должно было что-то обязательно произойти.

– Ты чего?! Гошик! Ты?

Оперативник смотрел и улыбался.

– У меня в сейфе есть патроны, – сказал Гоша, – все нормально, извини. Устал я что-то. Ну, честное слово.

* * *

Утром жена прочитала сообщение. Может быть, она и удивилась внезапной нежности. Может, женское чутье накрутило что-то там. Ничего не сказала, мирно копошилась в кухне. Гоша отдыхал после дежурства. Мягкий диван трогал его больную спину, бормотал приятно телевизор. Дали отопление, тепло заполняло квартиру. Было по-настоящему хорошо.

